

Елена Арсеньева

Дружка государев (Андрей Курбский)

Часть сборника
*Преступления страсти.
Коварство (сборник)*

Елена Арсеньева
Дружка государев
(Андрей Курбский)
Серия «Преступления
страсти. Коварство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161429

Коварство: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24596-3

Аннотация

«За тяжелыми дверьми государевой опочивальни творилось тайное действо. Молодой царь Иван Васильевич впервые владел новобрачной женой своей Анастасией Захарьиной.

Тянулась ночь. Дружки подремывали за дверью: красавец Андрей Курбский, пронский воевода, Алексей Адашев, приятель молодого государя, да дядя невесты Григорий Захарьин, да дядя жениха Юрий Глинский...»

Елена Арсеньева

Дружка королев

(Андрей Курбский)

За тяжелыми дверьми государевой опочивальни творилось тайное действие. Молодой царь Иван Васильевич впервые владел новобрачной женой своей Анастасией Захарьиной.

Тянулась ночь. Дружки подремывали за дверью: красавец Андрей Курбский, пронский воевода, Алексей Адашев, приятель молодого государя, да дядя невесты Григорий Захарьин, да дядя жениха Юрий Глинский.

– Ну, пора, что ли? – спросил, позевывая, Захарьин.

– Рано еще, – отозвался Адашев.

Курбский молчал. Он знал, что ему мерещится, что ни звука не может донестись из-за тяжелых, плотно затворенных дверей, прорваться сквозь толстенные кремлевские стены, ан нет – так и чудилось жаркое дыхание, стоны, вздохи сладострастные...

Анастасия там. С другим... Прошлый год он, Курбский, через матушку свою, Настину тетушку, поднес ей серьги-двойчатки с бубенчиками... Не столько родственный дар, сколько намек. Отказалась было она от серег, насилу тетушка ее уломала, насилу уговорила не обижать ни ее, ни сы-

на. Настя серьги взяла, но так и не надела их ни разу. Через подкупленную девку-горничную княгиня Курбская вызнала: так и лежат они в шкатулке. Не люб, значит, Настьке подарок князя Андрея... а значит, и он сам не люб. А ведь он мало что богат и знатен – красавец писанный! Галантен, как настоящий шляхтич, знает обхождение с дамами, по-польски говорит. Даже и по-латыни изъясняется! Любая боярышня, тем паче худородная Захарьина счастлива была бы, что такой человек пред нею заискивает, благосклонности ищет...

– Да дура она, – уговаривала матушка Курбского, видя, как помрачнел сын от Настиной холодности. – Нос задрала, вишь, не в меру... Что за глупости себе в голову взяла! Ну, пошутил с ней какой-то прохожий-проезжий монах, посулил, мол, царицей станет. Да разве умная девка такую чушь заберет в голову? Больно нужна она царю!

– И мне не нужна, – твердил подвыпивший с горя князь Андрей. – Пусть ее кто хочет забирает!

И вот... забрал. И та, о которой он грезил тайно, красивейшая из дев, встреченных им в жизни, незабытая и забываемая, сейчас стелется под мужским телом, навеки отданная ему во власть! И мужчина тот – царь. И она будет – царица.

Ох, как ненавидел Курбский ее, как ненавидел... Она, видимо, чувствовала его ненависть, ведь в церкви, пока Курбский с венцом стоял позади нее у аналоя, Анастасия так и клонила вперед, словно его ненависть прожигала ей спину.

Не совладав с собой, рванулся князь к тяжелой двери. До блеска начищенные медные оковы сверкали, как золото. Приник к двери, выкрикнул зычно:

– Здоровы ли молодые? Свершилось ли доброе?

Что-то глухо стукнуло в дверь, Курбский отпрянул – почудилось, в голову попало. Никак башмаком швырнули. И крик:

– Пошел вон! Все вон!

Курбский стоял недвижимо, сдерживая дрожь. Щеки горели, будто нахлестанные.

Позор, ну, позорище...

Пьяненький князь Юрий Васильевич Глинский помирал со смеху, зажимая рот рукой, чтоб не слышно было разгоряченному молодому там, в спальном покое:

– Каково он тебя? Под руку попал! Теперь знаешь, что оно такое, ему под руку попасть?

Курбский угрюмо молчал, словно вопрос относился не к нему.

– И чего сунулся? – сердито буркнул Адашев. – Я ж говорил, еще не время.

– Не бойся, государь на это дело спорый! – хихикнул Глинский. – Сосуд распечатать – ему раз плюнуть. Но вот чего он всегда не любил, так того, ежели печать уже до него была сорвана. Смекаешь, княже?

Глинский многозначительно умолк.

– Ты, князь Юрий Васильевич, романи упился, – с тру-

дом шевеля побелевшими губами, произнес Курбский. – Что несешь?

– Несу? Это курица яйца несет! – куражился Глинский. – Я не потерплю, чтоб каждый-всякий... Еще неведомо, какие простыни нам покажут, понял? Молодая-то молчит, как прибитая... А ведь я знаю, знаю, как ты ее обхаживал! Думали, шито-крыто все останется? Кто о прошлый год на именинах у Бельского орал, мол, слава Богу, что Захарьины дали от ворот поворот – не больно-то их квашня перебродившая мне надобна!

– Откуда взял? – растерялся Курбский. – Тебя же там не было, у Бельского-то.

– Слухом земля полнится, – паясничал Глинский. – Жаль, поздно проведал про сие... Но ничего, лучше поздно, чем никогда. Погодите, мы еще выведем вас всех на чистую воду вместе с этой блудливой девкой!

Кулак Курбского звучно влип в его рот – словно кляпом заткнули прохудившуюся бочку. Какое-то мгновение Глинский смотрел на него, выпучив глаза, потом опрокинулся навзничь, сильно стукнувшись затылком об пол.

Курбский испуганно наклонился над ним:

– Как бы не сдох!

– Не велика беда! – пропыхтел взопревший от ярости Григорий Захарьин. – Вот же гнилостный язык... Но ты, брат Андрей Михайлыч, тоже хорош гусь! Как же ты смел про нас такое у Бельского...

– Еще и вы подеритесь, – презрительно обронил Адашев, стоявший у притолоки и с любопытством внимавший происходящему. – Самое время лаяться!

Григорий Юрьевич мигом остыл, спохватился, мученически возвел горе свои темно-голубые, как у всех Захарьиных, глаза:

– Ой, что-то они там и впрямь долго!

Курбский резко отвернулся. Адашев проворно рыскал взглядом от одного к другому и потаенно усмехался в кудрявые усы.

...Через некоторое время бледный, сдержанный Курбский вышел к гостям и сообщил, что доброе меж молодыми свершилось. Знаки девства царицына были предъявлены свахам и придирчиво ими осмотрены.

Свадьба Ивана Васильевича и Анастасии Романовны состоялась.

* * *

Русский царь собирался воевать казанского царя. Казань – ад на земле! Вечная угроза для русского народа. Набеги, грабежи, убийства, угон в полон мирного народа... Пора было покончить с бесчинством.

Дважды, в 1548 и 1550 годах, ходил Иван Васильевич на Казань. Но выступал поздно осенью, и его заставляла зима. Войско вязло в снегу. Пушки тонули в Волге.

Дважды чуть ли не со слезами бессилия царь приказывал своему войску отступить, а по следу его шли одерзевшие казанцы и опустошали Русскую землю.

Поговаривали в Москве, что третьего похода не будет, однако весной 1552 года сборы начались. Выступить намечено было на июль месяц.

– Тебе когда рожать? В октябре? – спрашивал Иван Васильевич опечаленную жену. – Ну и не тревожься – вернемся мы в октябре. Ежели же я дождусь твоих родин и выйду по осени, опять в снегу и грязи завязнем. Дело Курбский говорит – надо идти на Казань посуху, в июле выступать, не позднее.

Анастасия втихомолку злилась на князя Андрея Михайловича за его, безусловно, правильные советы, пусть они даже совпадали с ее собственными мыслями. Злилась на ближних царевых людей – священника Сильвестра и Алексея Адашева, которые, конечно, тоже подстрекали царя к выступлению и внушали ему уверенность в удаче.

Казань воевать надо, нет слов. Но она не верила ни одному слову, которое исходило от этой троицы, а прежде всего – от Курбского.

Она не могла объяснить своего ужаса перед князем. Но не раз и не два мысленно говорила себе: «Какое счастье, что я ему отказала!» Да, счастье – и не только потому, что, став женой Курбского, она не стала бы женой любимого государя Иванушки. Счастье – потому что она не смогла бы жить с

Курбским, Анастасия это знала точно.

Но как же страшно ей было оттого, что его любовь превратилась в ненависть! Воевода пронский нужен царю, он храбрый воин, но что бы только не отдала Анастасия за то, чтобы Курбский в походе не участвовал, чтобы был как можно дальше от Ивана Васильевича!

Но что может слабая женщина? Кто послушает ее?

Князь Андрей Михайлович Курбский, командовавший при взятии Казани правым крылом русской армии и стяжавший себе большую славу, вдобавок разогнал луговую черемису, враждебную к русским, и был назначен боярином. Его полк тоже двинулся в Москву в сопровождении заваленных добром подвод.

Позади обоза тянулась вереница пленных татар. Их не трогали. Русское сердце отходчиво, никому не хотелось браниться с обездоленными бабами и детишками. Особо жалостливые охотно тетешкали детей, а заядлые бабники уже благосклонно поглядывали на красивых татарок. Однако некоторых воинов еще пьянил угар боя, они не вполне насладились мстью, и особенно злы были потерявшие в бою братьев, отцов или сыновей. От таких «удальцов» приходилось даже охранять пленных.

Пуще всех лютовал конный ратник Тимофей Челубеев. Всем было известно, что во время татарского набега много лет назад у него угнали в полон молодую жену, и до Тимофея доходил слух, что она в Казани, у какого-то богато-

го татарина. Когда дым боя рассеялся и победители вполне почувствовали себя хозяевами в захваченном городе, удалось найти в развалинах нескольких русских пленников. Каким-то чудом оказалась среди них женщина, знавшая жену Тимофея. Плача, поведала она, что его жену, бывшую редкостной красоты, сразу купил на торгах и взял к себе в гарем знатный бек. Спустя год она умерла, родив господину дочь. Ничего о судьбе того ребенка русская рабыня не знала, поскольку ее продали другому хозяину.

Тимофей исполнился лютой ярости ко всем казанцам. Ум его помутился от горя. В каждом мужчине он видел похитителя Василисы, а в каждой девочке – ее дочь, наполовину татарку. Среди пленных и впрямь было много детей-полукровок. И вот однажды, когда дошли до озера Кабан, случилась страшная история. Видимо, больная душа Тимофея в тот день больше прежнего не давала ему покоя. Не в добрый час попалась ему на глаза Фатима – девушка лет четырнадцати необыкновенной красоты. Можно было без сомнения сказать, что в ее жилах течет русская кровь: чернобровая, смуглая, с тонкими чертами лица, которыми иногда отличаются восточные женщины, она обладала ярко-синими глазами и роскошной светло-русой косой. Фатима всегда прятала лицо, потому что многие молодые воины смотрели на нее разгоревшимися глазами, а некоторые откровенно лелеяли надежду взять ее в жены, тем паче что она отчасти русской крови. Подобные разговоры Тимофею Челубееву каза-

лись чудовищными и бесили его до крайности.

И вот когда дошли до озера и остановились напоить коней, Тимофей вдруг кинулся к веренице пленников, схватил на руки Фатиму и бросился с ней к озеру. Девушка билась, молила о пощаде, но Тимофей словно обезумел – швырнул ее в воду и начал топить. И тогда Курбский направил коня в озеро. Он сам не знал, почему отважился на отчаянный поступок! Может, Бог его надоумил. А верней всего, дьявол.

Курбский вырвал полуживую девушку из рук Тимофея. Скакун рванулся в сторону и вынес хозяина из воды, а обезумевший Тимофей бросился в волны – и более не всплыл.

– Прими, Господи, душу раба твоего! – дрожащими губами прошептал Курбский и передал Фатиму подбежавшим женщинам.

Она скоро пришла в себя и стала спрашивать, каким образом спаслась. Все указывали на Курбского. В легкой кольчуге, без шелома, князь стоял на взгорке и задумчиво смотрел на коварное озеро. Высокий, могучий, с открытым лбом, гордым взором и величавой повадкой, Андрей Михайлович был необычайно красив. Несчастной Фатиме он показался воплощением Бога на земле. Девушка припала к земле, покрывала сапоги князя слезами и поцелуями, клялась служить ему отныне и вовеки и отдать за него жизнь по первому его слову.

Курбский поднял Фатиму, взял двумя пальцами за подбородок и долго смотрел в восхищенное полудетское лицо.

Потом сказал:

– Я окрещу тебя и подарю царице. Служи ей, как ты хочешь служить мне.

Фатима склонилась в знак того, что покоряется его воле, однако в голосе звучало упорство:

– Отдай меня кому хочешь, но служить я буду только тебе!

Вскоре войско двинулось дальше. Во Владимире русские полки встретила радостная весть: как раз на день Дмитрия Солунского (8 ноября, или 26 октября по старому стилю) царица родила сына.

– Жена подарок сделала и мне, и себе к своим именинам! – радостно твердил Иван Васильевич: ведь именины у царицы были 28 октября, на Анастасию Римлянку, или, по-русски, Настасью-овчарницу.

Когда дозволено было посетить молодую мать и поздравить ее, все преподносили богатые подарки и Анастасии Романовне, и младенцу. Князь Курбский среди всего прочего подарил царице синеглазую и золотоволосую смуглянку по имени Настя. Это была Фатима, окрещенная после рождения царевича в честь святой мученицы Анастасии и самой царицы.

Анастасия Романовна поблагодарила – и отдала девушку в помощницы мамкам и нянькам маленького царевича.

Митенька рос медленно, был маленьким, болезненным, а уж до чего крикливым – просто не описать словами. Но не раз младенчик успокаивался на руках у Насти.

Вдобавок ко всему новая нянюшка рассказала старшей мамке о том, что в Казани болезненных ребятишек прикармливают козьим молоком – не коровьим, нет, оно тяжело для маленького животика, а именно козьим, разведя его теплой водой. Дали такого молока Мите – и он поздоровел на глазах. Старшая мамка, Евдокия Головина, была женщина добрая. Она не замедлила поведать все царице, и Анастасия осталась очень довольна.

Или сделала такой вид? На самом-то деле ей не очень нравилась Настя, только никто об этом даже не подозревал.

А не нравилась лишь потому, что подарил ее – Курбский. Шло время. Вот и Рождество осталось позади, зима катилась к закату, хотя еще цеплялась за жизнь последними морозами и метелями. Мужа Анастасия видела теперь мало, только ночью на супружеском ложе, которое он продолжал делить с ней, почти не отдаляясь в свою опочивальню. Целые дни царь проводил в Малой избе, которую отдал Алексею Адашеву и в которой тот принимал народные прошения, разбирал жалобы и давал ответы, либо в Благовещенском соборе у попа Сильвестра, либо в приемной комнате, беседуя с Курбским. Тот совсем забросил и свой старый Пронск, и Ярославль, дарованный ему в вотчину, – безвыездно жил в Москве и так же, как царь и его окружение, казался озабоченным одним вопросом: воевать Ливонию в будущем году или погодить немного, чтобы служилый народ отдохнул после Казани? А может, пойти на Крым?

Царице, впрочем, и в одиночестве особенно некогда было скучать. Девушки из ее светлицы были с утра до вечера заняты вышиванием покровов и икон, а в ее дневном деле всегда преобладало дело милосердия, помощи бедным, нуждающимся. Кроме нищих, множество людей, особенно женщин, взывало к милосердию царицы и подавало ей через дьяков челобитные о своих нуждах. Все дообеденное время Анастасии Романовны было занято чтением таких прошений. Конечно, не она собственноручно разбирала каракульки: для сего дела имелся дьяк. В челобитных вдовы и сироты ведали о своей горькой нужде и бедственном положении.

Анастасия внимательно слушала разнообразие пеней на жизнь, порою подавая знак: этому полтину, тому гривну, третьему один-два алтына. В самых тяжких бедах жаловала и рубли. Иногда задремывала. Вот и сейчас затянуло вроде бы голову дремотою, но тотчас вскинулась, услышав: «...якобы государь наш Иван Васильевич за спинами прятался, а все подвиги свершал князь Курбский. Он и в бой полки вел, он и коня государева за уздцы тянул, чтоб заставить царя выехать на бранное поле...»

– Что такое? – вскрикнула царица.

Дьяк покрывался красными пятнами и комкал какое-то прошение, бессвязно бормоча:

– Прости, матушка-государыня, не пойму... бес попутал... подсунули мне сие, подсунули... не вели казнить...

– Дай сюда! – протянула руку Анастасия.

Дьяк мученически завел глаза, однако не посмел ослушаться и подал скомканную грамотку. Плюхнулся в ноги. Анастасия досадливо отмахнулась от него и с трудом начала разбирать корявую скоропись.

Какой-то человек, забывший назвать свое имя, просил у царицы заступничества. Он убил слугу своего за то, что тот «лаял царя и называл одного трусом». Оказывается, слуга был при Казани в полку Курбского и теперь болтал языком направо и налево, что царь при воинском деле молитвами ограничивался да поклоны бил. Курбский есть истинный герой, а вовсе не государь-полководец! Дескать, Курбскому пришлось чуть ли не умолять царя, чтобы прервал он молебен и дал позволение на подрыв казанских укреплений. Уже бой кипел в городе, войскам необходимо было видеть впереди царя, а он все молился. Чуть ли не начали опамятовшиеся татары вытеснять наших за пределы стен, когда бояре взяли царского коня под уздцы и повлекли его на поле боя. Увидав своего вождя, русские обрели новые силы и вырвали победу у врага. «Больно мне было слушать наветы на царя, и я зарезал своего раба, за что попал под суд и расправу, а ты, христолюбивая царица, прими за меня заступу и оборони», – заканчивал челобитчик.

– Молчи об сем, – тихо приказала Анастасия дьяку, швыряя письмо в печку. – И прочь поди.

Он мигом исчез, а она еле владела собой от ярости.

Вот, значит, как...

Уж наверняка не один лишь слуга этого челобитчика распространяет лживые слухи. И не с печки же он упал, что вдруг начал оговаривать царя. Наверняка все наветы исходят из уст самого Андрея Михайловича, неумемное тщеславие которого не удовлетворено полученными почестями. Ему хочется больше, больше... ему хочется всего! Если дело этак дальше пойдет, он не замедлит приписать себе всю заслугу взятия Казани.

Вот они каковы, друзья и советники государевы! Живут за счет царя, за его счет величаются. Алексей Федорович Адашев слывет в народе заступником добреньким, он всякую жалобу досконально рассматривает и примерно наказует неправедных обидчиков, помогая обиженным. Конечно! Помогает как бы от себя, а наказует-то именем государя!

Этак искусно и сложилось мнение: Адашев добр да справедлив, а Иван Васильевич не в меру горяч и никому спуску не дает. Так и воображает себе народ молодого царя: вздорное дитяtko, способное сделать что-то толковое, лишь находясь под присмотром Адашева, князя Курбского да попа Сильвестра, который чуть что – сразу сечет царя словесными розгами.

И разве только русские люди так думают? Князь Андрей Михайлович общается с ливонскими да аглицкими заезжими людьми и купцами, с поляками да немцами – можно не сомневаться, что и перед ними он клеветает на господина своего. А Сильвестр и Адашев его медоточиво поддержива-

ют. Эти-то, безродные, уж вовсе молчали бы. Их место – во прахе. Ох уж эта русская спесь – каждый мнит себя равным по уму государю, каждый спит и себя на престоле видит! А ведь лишь в сказках Иван-дурак на престол садится. В сказках – не наяву!

Анастасия с трудом унимала ретивое. Хотелось выбежать из палат, ворваться в Малую избу, где заседала Избранная рада советников, хотелось гневно обличить Курбского... Да он просто пес, осмелившийся укусить хозяина!

В ее воспаленном воображении вина Курбского многократно увеличилась. Теперь чудился Анастасии чуть ли не заговор на жизнь государя-Иванушки, а значит – и на жизнь ненаглядного царевича. Уж не Фатиме ли, басурманке крещеной, предназначено совершить злодеяние?

Царица вскочила и со всех ног бросилась в детскую. Вспугнутые со сна боярыни, кудахча, затопали следом, не понимая, что вдруг приключилось с матушкой.

Анастасия приоткрыла дверь и замерла, увидев маленького Митю, который радостно агукал на руках похорошевшей, раздобревшей Насти-Фатимы. Личико у младенчика розовенькое, округлившееся, кулачки бойко молотят по воздуху. Невозвратно отошли в прошлое тяжелые минуты его непрекращающегося, жалобного плача, от которого у матери рывалось сердце.

Анастасия устыдилась своих мыслей. Не надо выдумывать страхов – хватит и тех, которые существуют наяву. Глав-

ная беда в том, что Иван Васильевич безоглядно доверяет и Сильвестру, и Адашеву, и князю Андрею. Чем бы его доверие поколебать? Как бы государя отрезвить?

Какая жалость, что она так поспешно и необдуманно сожгла письмо! С другой стороны, что такое письмо? Даже стань о нем известно Курбскому, он всегда может отпереться: в чем его вина, ежели чей-то раб обезумел и ударился в словоблудие? Не раз приходилось Анастасии слушать речи князя, и она прекрасно знала, как умеет тот обаять человека, одурманить его разговорами. А государь, как никто другой, падок на словесные украшения и доверчив. Нет, надо придумать что-то похитрее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.